

Казимиров Максим Сергеевич

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ, ФАКТОРАХ И ДИНАМИКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ ХХ-ХХI ВВ.

Аннотация: глава посвящена комплексному анализу процесса возрождения православия в России на рубеже XX–XXI веков. В работе освещены ключевые предпосылки, обусловившие возможность начала этого процесса после десятилетий проведения государством непримиримой антирелигиозной политики, включая глубокую историческую укорененность православия и системный кризис советской идеологии. Выявлены и охарактеризованы ключевые факторы, сыгравшие решающую роль в запуске и поддержании динамики религиозного ренессанса, в том числе политические изменения, провозглашение свободы совести, социальные запросы общества и активная внутренняя деятельность Русской Православной Церкви. Особое внимание уделено динамике процесса возрождения православия и роста религиозности жителей России в целом – от периода бурного количественного роста до этапов качественного развития, институционализации и появления новых вызовов. В заключительной части изыскания автор формулирует вывод об актуальном на момент проведения исследования состоянии развития институтов Русской Православной Церкви в Российской Федерации.

Ключевые слова: возрождение православия, ревитализация православия, Русская Православная Церковь, РПЦ, церковно-государственные отношения, религиозный ренессанс, духовное возрождение.

Abstract: this chapter provides a comprehensive analysis of the revival of Orthodoxy in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries. It highlights the key preconditions that enabled this process to begin after decades of uncompromising state anti-religious policies, including the deep historical roots of Orthodoxy and the systemic crisis of Soviet ideology. It identifies and characterizes the key factors that played a decisive role in initiating and sustaining the dynamics of the religious renaissance,

including political changes, the proclamation of freedom of conscience, the social demands of society, and the active internal activities of the Russian Orthodox Church. Particular attention is paid to the dynamics of the revival of Orthodoxy and the growth of religiosity among Russians as a whole—from a period of rapid quantitative growth to stages of qualitative development, institutionalization, and the emergence of new challenges. In the final section of the study, the author formulates a conclusion on the current state of development of the institutions of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation at the time of the study.

Keywords: *revival of Orthodoxy, revitalization of Orthodoxy, Russian Orthodox Church, ROC, church-state relations, religious renaissance, spiritual revival.*

Понятие «возрождение религии» прошло длительный путь эволюции в религиоведении и истории. Так, вплоть до начала эпохи Ренессанса эта концепция в современном смысле практически отсутствовала. Столетиями религия оставалась всеобъемлющей нормой, а не чем-то подверженным упадку в масштабе общества [9, с. 27].

Наиболее близки для этого хронологического периода по смыслу и содержанию понятия «реформирование» и «обновление». В частности, одним из ярких примеров реформирования служит Клюнийская реформа в католицизме, призванная осуществить возвращение к «чистоте» изначального учения. В свою очередь, примерами обновления, логически связанного с всплеском интереса к духовным вопросам под влиянием религиозных идей, богата эпоха Возрождения. Основной отличительной особенностью этого периода являлось отсутствие противопоставления «возрождения» и «упадка», поскольку тезис о системном упадке религии еще не был сформирован.

С наступлением Просвещения и распространением идей рационализма в Европе и Северной Америке появилась и идея о том, что религия может терять свое влияние в обществе, а религиозность населения может снижаться. Приведем в пример «Великие Пробуждения» в США и Великобритании – в XVIII–XIX вв. концепция «религиозного пробуждения» тогда оформилась как массовое,

эмоционально наполненное движение за моральное реформирование общества и усиление евангелизации. Оно воспринималось как реакция Церкви и сообщества верующих в наиболее широком смысле на рационализм, секуляризацию и духовную «спячку» [19, с. 22].

В середине XX в. в социологии религии доминирующей стала теория секуляризации, заметный вклад в развитие которой, среди прочих, внес П. Бергер. Согласно этой теории, модернизация, индустриализация, урбанизация и рационализация неизбежно ведут к снижению роли религии в общественной и личной жизни [14, с. 60]. В этом контексте «религиозное возрождение» и связанные с ним коннотации часто рассматривалось как своеобразная «аномалия» или временное явление, не способное изменить общий вектор секуляризации, заключающейся в неуклонном снижении роли религии в жизни всего человечества. Считалось, что религия сохраняет сильные позиции лишь в неразвитых странах, тогда как развитые движутся к полной секуляризации.

Для следующего хронологического периода, ограниченного рамками конца XX – начала XXI в., свойственна, напротив, всесторонняя переоценка вышеизложенных нарративов и «десекуляризация». Возрождение религии и рост религиозности стало восприниматься в качестве глобального тренда. Так, к концу XX в. стало очевидно, что теория секуляризации не в полной мере отражает глобальные процессы. Напротив, наблюдался всплеск религиозности в различных регионах мира – отдельно отметим исламский ревайвелизм, рост протестантизма в Латинской Америке и Африке, возрождение православия в ряде стран постсоветского пространства. В частности, сам П. Бергер выступил с опровержением своего аналитического прогноза, признав, что мир «так же, если не более, религиозен, чем был раньше» [16, с. 707]. При этом важно отметить, что используемое нами понятие «возрождение» является сложным и включает в себя как минимум пять сторон – институциональную, культурную, социальную, личностную и идеологическую. Так, институциональное возрождение предполагает прежде всего восстановление разрушенных храмов, монастырей, церквей и часовен, а также строительство новых, и рост числа священнослужителей и приходов. Культурное,

среди прочего, предусматривает возрастание общественного интереса к религиозной культуре, искусству и традициям. Социальное – предполагает активизацию благотворительности, социального служения, участия религиозных организаций в общественной жизни. Личностное – предусматривает увеличение числа людей, идентифицирующих себя как верующих, и их воцерковление. Наконец, идеологическое связано прежде всего с возвращением религиозных ценностей в публичный дискурс, рост их влияния на политику, право и мораль.

Одними из наиболее дискуссионных объектов научных споров остаются вопросы влияния религии на общество. В зависимости от общественно-политической конъюнктуры и иных многочисленных факторов, она может как препятствовать общественному прогрессу в части, например, повышения общего уровня жизни людей и индекса развития человека, так и служить катализатором глубинных прогрессивных изменений. Автор предполагает, что духовные устремления людей, объединенные при «должном» использовании ее инструментария, могут быть использованы при формировании целостного, основанного на принципах гуманизма мира, а также способствовать экономическому развитию. Но где же проходит та, достаточно тонкая, грань, разделяющая конструктивное и деструктивное влияние религиозных институтов на общество, и по какому из этих векторов ныне развивается Русская Православная Церковь?

Словарь «Религии народов современной России» 2002 г. определяет сложное понятие «возрождение религии в России» как политico-правовой и социально-культурный процесс, связанный с восстановлением в своих правах религиозной культуры, свободы совести, легализацией и ростом социальной активности религиозных организаций и верующих [12, с. 64]. В качестве события, ставшего одновременно отправной точкой начала кардинального изменения официальной государственной и партийной политики СССР и нижней хронологической границей этого изыскания, обозначим избрание М.С. Горбачева на пост генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза 11 марта 1985 г.

Обратим, однако, внимание читателей на то, процесс этого «разворота» не был молниеносным. Известно, что принятая решением двадцать седьмого съезда партийная программа, как и предшествовавшие ей программные документы, содержала тезис о продолжении борьбы с религией, а сам вновь избранный генсек в своих устных выступлениях не единожды отмечал недопустимость примирения с ней [5, с. 44]. Тем не менее, начавшиеся глубинные изменения всех сфер жизни общества Советского Союза к тому времени уже фигурировали в ряде отчетных и аналитических документов, многие из которых ныне опубликованы, находятся в открытом доступе и доступны для изучения научным сообществом. Один из них – доклад председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР К.М. Харчева, из которого следует, что на момент сбора сведений, в 1988 г., не менее трети родившихся в стране младенцев были крещены, а не менее трети покойников отпеты [6, с. 112]. Годом ранее эта же структура выступила с предложением наделить религиозные организации правами юридических лиц и разрешить им вести пропагандистскую деятельность. Несмотря на то, что тогда это предложение было отклонено, сам факт его официального рассмотрения служит свидетельством начала описываемых нами фундаментальных изменений. В списках реабилитированных репрессированных числилось все больше имен священнослужителей, впервые с первых послевоенных лет был отмечен значительный рост численности православных приходов.

В числе одного из ключевых катализаторов изменения официальной государственной и партийной политики в отношении Церкви отметим празднование 1000-летнего юбилея со дня Крещения Руси. В ознаменование этой памятной даты РПЦ были возвращены десятки святынь, движимых и недвижимых объектов имущества. Кроме того, важным политическим событием того же 1988 г. стала встреча М.С. Горбачева с членами Священного Синода. Ее ключевым результатом стало приглашение, адресованное генеральному секретарем к Русской Православной Церкви, наладить сотрудничество с партийно-государственными органами в области морали и нравственности [13, с. 385]. Закономерным следствием этих событий стало прежде всего изменение

позиционирования религиозных институтов средствами массовой информации, взаимообусловленное изменением их восприятия обществом в целом. Так, описание деятельности Церкви отныне практически не сопровождалось резкой критикой, а звучавший в ее отношении тон стал сдержанно нейтральным или вовсе одобрительным. Год спустя патриарх Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков) был избран народным депутатом Верховного Совета СССР, а еще через год сразу пять «служителей культа» – четыре православных и один буддистский – стали народными депутатами аналогичного органа на уровне РСФСР и вошли в состав Комитета по свободе совести [3, с. 152].

Известно, что Верховный Совет РСФСР являлся ее высшим органом одновременно государственной и законодательной власти. Результатом работы ранее нами упомянутого Комитета по свободе совести в начале последнего десятилетия XX в. стал закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», в соответствии с положениями которого религиозным объединениям была предоставлена беспрецедентная свобода [4]. В частности, были отменены практически все ограничения, ранее действовавшие в их отношении – например, обязательная регистрация, впоследствии обернувшаяся «наплывом» сотен новых духовных организаций. В декабре того же 1990-го года Рождество Христово – главный праздник христиан всех конфессий, вплоть до настоящего времени традиционно отмечаемый православными практически на всем постсоветском пространстве 7 января – решением Верховного Совета РСФСР был объявлен выходным днем.

Как нами уже было отмечено, прямым последствием проведения новой религиозной политики в последние месяцы существования СССР стал беспрецедентный рост численности новых религиозных организаций. Так, если, по данным органов юстиции сначала РСФСР, а впоследствии и Российской Федерации, в 1990 г. было зарегистрировано 3450 православных, 870 мусульманских, 31 иудейских, 23 католических, 12 буддистских и 9 кришнайтских, то уже в 1996 г. действовало 7195 православных, 2494 мусульманских, 80 иудейских, 183 католических, 124 буддистских и 112 кришнайтских религиозных организаций. Таким образом, рост численности православных объединений в процентном

соотношении составил 52,05%, мусульманских – 65,12%, иудейских – 61,25%, католических – 87,43%, буддистских – 90,32%, кришнайтских – 91,96%. В абсолютных значениях рост численности этих, наиболее многочисленных конфессий, за шесть лет составил 43,14%, то есть с 4395 до 10188. Кроме того, был констатирован рост количества языческих религиозных организаций, в том числе 7 древнерусских и 2 шаманских, приходов «раскольнической» Российской православной автономной церкви, а также бахаизма, даосизма, тантризма и индуизма [12, с. 607].

При этом сделать выводы более частного характера о численности каждого отдельно взятого прихода по каждой из упомянутых нами конфессий не представляется возможным: если в мусульманских, протестантских, иудейских и других организациях как правило ведется учет постоянных прихожан, в Российской Православной Церкви – наиболее многочисленной в России религиозной организации – такая практика отсутствует.

Обращает на себя внимание ценный массив статистических данных, отраженный в словаре «Религии народов современной России». В процентном соотношении к общей численности населения РСФСР и Российской Федерации в 1989–1995 гг. авторы приводят сведения о динамике его религиозной ориентации. Так, в 1989 г. атеистами себя назвали 71% респондентов, православными христианами – 20, последователями других религий – 9. Заметно ситуация изменилась в 1991 г. в связи с распадом Советского Союза и крахом коммунистической идеологии: так, атеистами себя считали уже 56% опрошенных, православными христианами – 34%, последователями других религий – 10%. Незначительный «откат» фиксируется в 1993 г., когда 59% процентов респондентов обозначили себя как атеистов, 33% как православных христиан и 8% как последователей других религий. Последующий, однако, опрос констатировал повышение общего уровня религиозности при значении в 50% опрошенных как неверующих, 37% как православных христиан и 13% как последователей других религий [12, с. 608]. Для наглядности сведем отраженные в исследовании статистические данные в графическую форму (рис. 1).

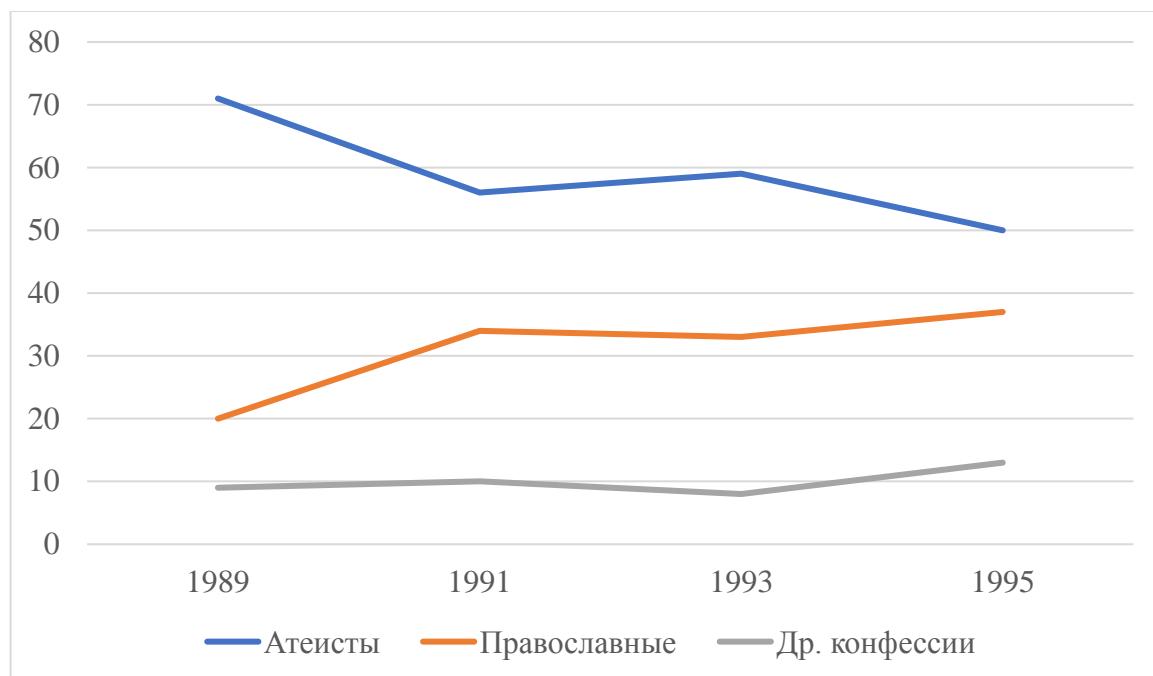

Рис. 1. Динамика изменения религиозной ориентации жителей РСФСР и Российской Федерации в 1989–1995 гг.

В Словаре также приведены данные о динамике конфессионального состава в масштабах Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации. Автор исследования выделяет католиков, протестантов, мусульман, буддистов, иудеев, атеистов и православных христиан (без учета старообрядцев). Так, согласно данным, относящимся к имперскому периоду и основанным на материалах Переписи населения 1897 г., общая численность населения составляла около 125 млн. подданных, из них – 71,3% православные, 9,2% католики, 3% протестанты, 11,2% мусульмане, 0,4% буддисты, 4,2% иудеи. Общая численность населения Советского Союза к моменту распада составляла приблизительно 270 млн. граждан, из них – 22,8% православные, 5,5% католики, 3% протестанты, 18,5% мусульмане, 0,4% буддисты, 0,2% иудеи, 50% атеисты. В середине последнего десятилетия XX в. население Российской Федерации составляло около 149 млн. граждан, из них: 33–40% православных, 0,2% католиков, 0,7% протестантов, 10–13% мусульман, 0,7% буддистов, 0,7% иудеев, 0,2–0,3% последователей «новых религиозных движений» и приблизительно 50% атеистов [12, с. 609]. Эти сведения также сведем в графическую форму (рис. 2).

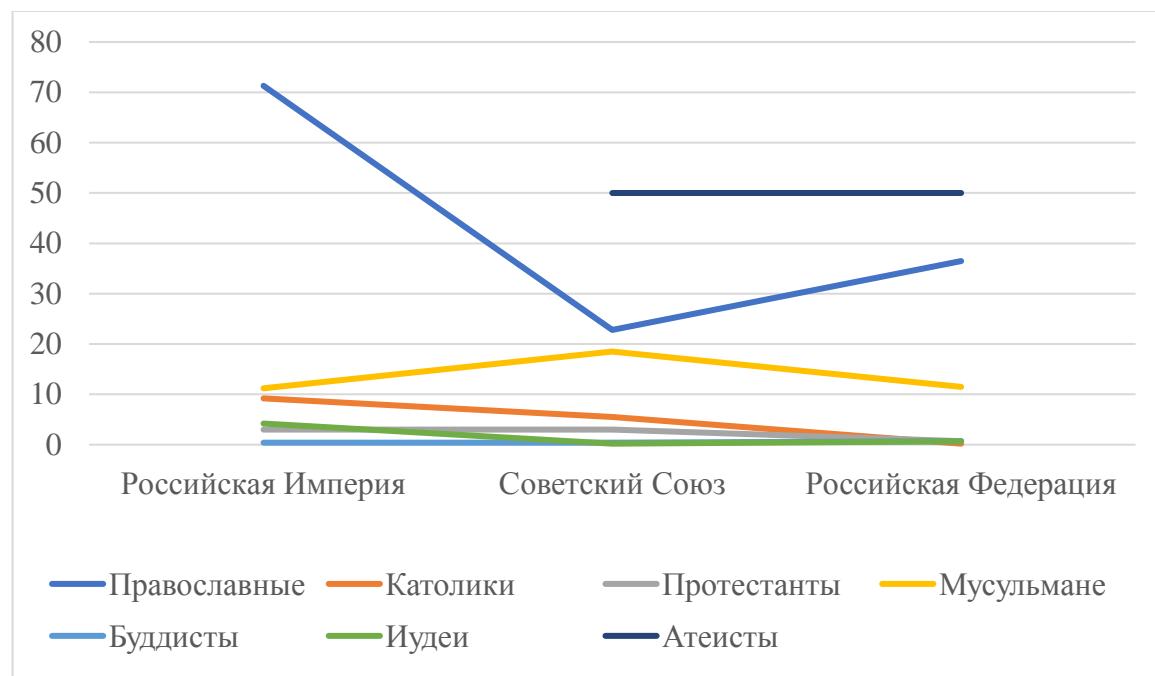

Рис. 2. Динамика изменения конфессионального состава Российской Империи (1897 г.), Советского Союза (1991 г.) и Российской Федерации (1995 г.).

Не меньший интерес вызывают и данные о динамике зарегистрированных в 1990–1998 гг. органами юстиции РСФСР и Российской Федерации религиозных объединений. Так, их рост в пределах этого хронологического периода составил 58,48%, увеличившись с 6650 организаций в 1990 г. сначала до 13580 в 1995 г., а затем и до 16017 в 1998 г. Традиционно большую часть из них составляли христианские православные церкви, количество которых с 1990 по 1998 гг. возросло с 3772 до 9124, то есть на 58,66%. Этот показатель включает и различные старообрядческие общины, численность которых, однако, наоборот сократилась на 23,4% – с 265 до 203. Количество организаций, относящихся к двум оставшимся мировым религиям – исламу и буддизму – возросло [12, с. 609]. В графическом выражении описанная нами динамика может быть представлена следующим образом (рис. 3).

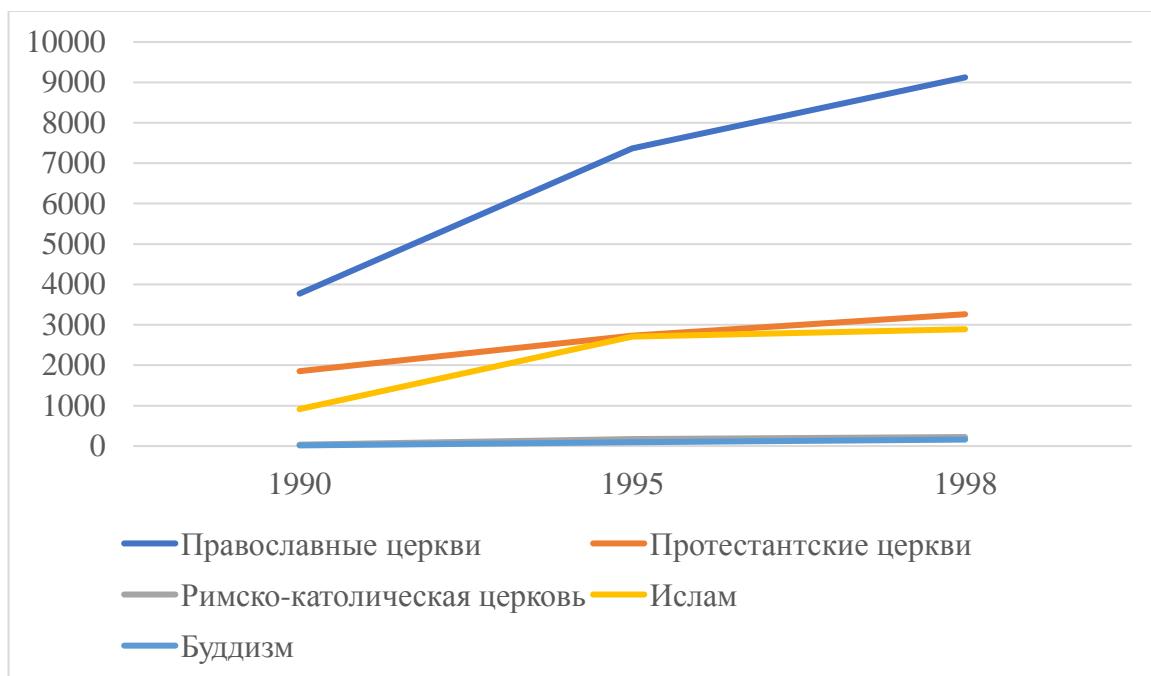

Рис. 3. Динамика изменения численности духовных организаций России, относящихся к мировым религиям

Устойчивый количественный рост демонстрировали римско-католическая и различные протестантские церкви, в том числе баптистские, евангелистские, пятидесятнические, методистские и пресвитерианские, а также Свидетели Иеговы, Адвентисты седьмого дня. Практически, однако, не претерпела изменений численность лютеранских общин, а меннонитские и вовсе практически исчезли. Достаточно видное место в пестром религиозном соцветии России последнего десятилетия XX в. занимали условно «новые» религиозные движения, в частности вайшнавы, Вера Бахай и различные харизматические церкви. Впоследствии, однако, им не удалось занять прочные позиции на конфессиональной «карте» страны [12, с. 609]. Сведения о них также включены в предложенный ниже график (рис. 4).

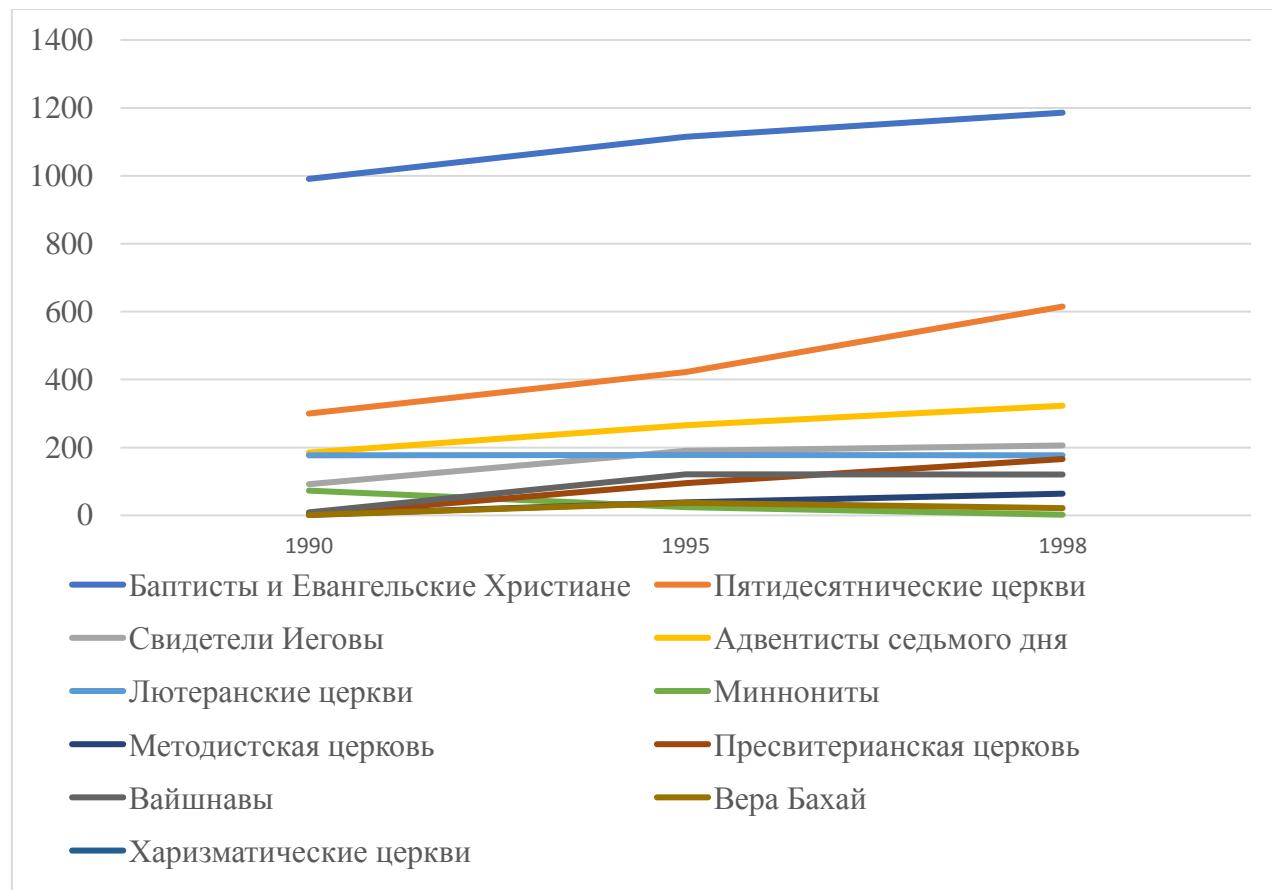

Рис. 4. Динамика количественных изменений духовных организаций в России, относящихся к протестантской конфессии и «новым» религиозным движениям

Невиданного ранее размаха взаимодействие государства с религиозными организациями, в том числе Русской Православной Церковью, достигло при первом президенте постсоветской России Б.Н. Ельцине. Показательно, что политик пригласил глав основных представленных в стране конфессий на церемонию своего официального вступления в должность [18, с. 26]. Б.Н. Ельцин также стал первым главой российского государства со времен Временного правительства, получившим от имени церкви формальную поддержку, благословение. С этого момента высшие должностные лица России как правило регулярно участвуют в богослужениях, посвященных религиозным праздникам. В последнем десятилетии XX в. сформировалась еще одна форма взаимодействия церкви и государства, связанная с проведением священнослужителями обрядов освещения движимых и недвижимых объектов государственного имущества – например, правительственные зданий и резиденций, космических ракет, боевых кораблей [11, с. 17]. Она актуальна и в наши дни.

Тем не менее, ряд исследователей во многом небезосновательно подвергает сомнению глубинность изменений, затронувших религиозную жизнь страны в рассматриваемые нами хронологические рамки, и апеллирует к тому, что ее ревитализация затронула лишь внешнюю сторону жизни общества, в то время как из жителей России, считающих себя православными христианами, лишь малая часть верит в жизнь после смерти и Христово Воскресение, а также строго соблюдает все церковные предписания [10, с. 12]. С этой точки зрения, аналогичная ситуация сложилась и с исламом, однако течение двух чеченских войн иллюстрирует, что пассивная вера может быть достаточно быстро трансформирована в радикальную благодаря, с одной стороны, простоте учения и высокой степени его адаптируемости к конкретной конъюнктуре, а с другой – детализированной регламентации всех сторон жизни, предлагающей видимую стабильность в непредсказуемых обстоятельствах.

Один из основных вызовов, ныне стоящих перед Русской Православной Церковью, связан с адаптацией древнеславянско-византийской традиции к современным социокультурным реалиям, характеризующимся общим кризисом религиозного сознания и теологической мысли. Столкнувшись с аналогичной проблемой, по достаточно нестандартному пути пошли протестантские церкви, богослужения в которых, как известно, ведутся практически на разговорном языке, а проповедь больше напоминает выступление оратора.

Еще одной проблемой ныне остается высокая степень политизированности духовных институтов России, в том числе Русской Православной Церкви. В последнем десятилетии прошлого столетия в нашей стране действовали даже религиозные политические партии, принявшие участие в выборах в Государственную Думу 1995 г. Однако, в отличие от ряда зарубежных государств, например, Германии с ее Христианско-демократическим союзом и Христианско-социальным союзом, им не удалось получить необходимое количество голосов избирателей, пройти в парламент и «завоевать» прочное место в политикуме России. Наибольший, но все равно недостаточный успех, тогда получили две религиозные партии – общероссийское мусульманское общественное движение «Нур» (0,5%) и

российское христианское демократическое движение «Христианско-демократический союз» (0,28%) [2, с. 21]. Несмотря, однако, на провал попыток религиозных движений добиться политической и законодательной субъектности напрямую, отметим, что им удалось добиться ее опосредованно – как нами было отмечено ранее, взаимодействие действующей власти с духовными организациями, не только православными, имеет тенденцию к укреплению и углублению. Вопрос об этической «правильности» или «неправильности» такого социополитического факта мы оставим вне рамок этой статьи.

На процесс возрождения православия в современной России повлиял и продолжает оказывать влияние широкий и разнородный спектр факторов. Выделим и охарактеризуем три основные группы: политическую, социокультурную и экономическую.

В группе политических факторов особое место занимает распад Советского Союза и последующий запрет в Российской Федерации государственной идеологии. В этой связи, создавшийся «идеологический вакуум» был частично заполнен возвращением к ряду традиционных ценностей, особое место среди которых занимает религиозная аксиология. Констатацией и своеобразной мерой закрепления сложившейся в обществе новой реальности стала легализация и государственная поддержка религии. В частности, законодательное закрепление свободы совести, передача Русской Православной Церкви тысяч объектов имущества, а также участие высших должностных лиц государства в церковных праздниках и обрядах послужило одним из ключевых факторов возрождения православия в современной России. Наряду с этим, благоприятный фон для развития православия ныне создан благодаря использованию его отдельных элементов в качестве составных частей столпов российской государственности, что закреплено в Указе Президента России от 09 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В частности, пункт 6 этого документа напрямую провозглашает христианство, наряду с исламом, буддизмом, иудаизмом и другими религиями, неотъемлемой частью российского

исторического и духовного наследия [17]. Там же подчеркивается, что оно оказалось значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для всех групп граждан – как верующих, так и атеистов. Утвержденные Указом ценности, такие как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, лежат в основе православного вероучения и обуславливают высокую степень поддержки его институтов со стороны государства. Важно упомянуть и о широком и многоаспектном взаимодействии Русской Православной Церкви с государственными институтами в образовательной, военной и культурной сферах, а также в сфере социальной политики. Например, оно находит проявление в проведении священнослужителями различных курсов и внеклассных занятий в учреждениях среднего и высшего образования [8, с. 142], деятельности специализированных духовных учебных заведений, присуждении соискателям ученых степеней в области богословия, деятельности военных священников в рядах воинских частей и соединений Вооруженных сил Российской Федерации.

Заметное и существенное влияние на процесс возрождения православия в рассматриваемый хронологический промежуток оказал и ряд социокультурных факторов. Так, после распада Советского Союза и краха десятилетиями выстраиваемого идеологического конструкта сотни тысяч граждан России и бывших союзных республик находились в поиске новых смысловых опор. Многие из них нашли новую основу в православии, тесно связанном с историей и культурой России и предшествовавших ей политий. В свою очередь, на фоне многочисленных общественных потрясений, связанных с событиями последнего десятилетия XX в., беспрецедентного роста преступности, коррупции и этнической нетерпимости, обострилась потребность общества в четких и устойчивых моральных ориентирах, которые и были предложены Церковью. Нельзя обойти стороной и

одну из важнейших функций любой религии – компенсаторную. Так, в условиях экономической нестабильности, социальной незащищенности и психологического дискомфорта, религия становилась источником утешения, надежды, чувства общности и поддержки. К этому же времени относится опубликование многочисленных источников данных, раскрывших для общества масштабы гонений на Церковь в советский период, что способствовало росту сочувствия к ней и уважения к ее стойкости, а также стремлению восстановить историческую справедливость. Отметим и общий рост интереса общества к изучению истоков русской культуры, которое немыслимо без обращения к православию, его искусству, архитектуре, литературе и философии. Наконец, для многих россиян православие стало восприниматься в качестве неотторжимой части их этнической идентичности, «русскости».

В числе экономических факторов выделим прежде всего рост частного капитала как следствие процесса приватизации, и последующий рост объемов благотворительной помощи. Это привело к расширению возможностей финансирования церковных проектов – прежде всего восстановления пострадавших в минувшие десятилетия святынь и строительство новых сооружений. Стабилизация же экономики в первом десятилетии XXI в. позволила как государству, так и частным лицам, направлять значительные объемы материальных ресурсов на возрождение религиозных объектов.

Таким образом, следует констатировать, что на рубеже XX–XXI веков Россия «пережила» беспрецедентный социокультурный и духовный сдвиг, ознаменовавшийся ревитализацией православия после семи десятилетий государственного атеизма и непримиримых гонений. Анализ предпосылок, факторов и динамики этого процесса позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Прежде всего, следует отметить, что предпосылки возрождения носили многоаспектный характер. С одной стороны, свое выражение нашла глубинная историческая народная память о тысячелетней православной традиции, которая, несмотря на все попытки искоренения, сохранялась в семейных преданиях, народной культуре и элементах бытового мировоззрения. С другой стороны, системный кризис

советской идеологии и крах коммунистического проекта оставили неизмеримый духовный вакуум, который было необходимо заполнить новыми смыслами и ценностями. К факторам же, запустившим и поддержавшим динамику возрождения православной религиозности, можно отнести: усилившуюся в условиях перехода к рыночной экономике потребность в психологическом утешении, в предсказаниях будущего; потребность в возвращении в русло культурно-исторической преемственности развития и национальной самоидентификации; свободу религиозной пропаганды и открытость источников религиозных знаний; потребность новых политических властей в поддержке широкими кругами населения; разрушение сферы социальной помощи, обострившее потребность в духовной и материальной поддержке, в утешении. Динамика возрождения характеризовалась не меньшей неравномерностью и сложностью. Начальный этап, который может быть условно ограничен хронологическими рамками второй половины 1980-х-середины 1990-х, ознаменовался бурным ростом численности различных религиозных организаций. Более поздние этапы, напротив, отмечены углублением институционализации, качественным развитием социального и миссионерского служения, а также появлением новых вызовов: например, проблем воцерковления «номинальных верующих», поиска подходов к взаимодействию с государством, формирования баланса между традициями и современностью. В настоящее время православие в России не просто возрождено – оно стало значимым актором общественной жизни, системообразующим элементом культурного ландшафта и важным фактором формирования национальной идентичности.

Список литературы

1. Бергер П. Религиозный опыт и традиция / П. Бергер // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 363 с.
2. Будилова Е.В. Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. (Многомерно-статистический анализ) / Е.В. Будилова, Л.А. Гордон, А.Т. Терехин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1996. – №2. – С. 18–24. EDN HUCUZZ

-
3. Евдокимова Л.С. Процесс возвращения религиозным организациям имущества культового назначения в России (конец 80-х – начало 90-х годов XX века) / Л.С. Евдокимова // *Magistra Vitae*. – 2009. – №37. – С. 151–154.
4. Закон РСФСР от 25.10.1990 №267-1 «О свободе вероисповеданий // СПС КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3953/ (дата обращения: 26.12.2025).
5. Казимиров М.С. Возрождение православия в Алатырском районе Чувашии в конце XX – начале XXI в. / М.С. Казимиров // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов IV Всеросс. науч. конф. (Чебоксары, 21 нояб. 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 43–48. DOI 10.31483/r-151810. EDN WRNIRC
6. Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в период «Перестройки» 1985–1991 гг. / А.Н. Кашеваров // *Terra Linguistica*. №1. 2015. С. 109–115. DOI 10.5862/JHSS.215.14. EDN TNIKSL
7. Котельников Г.А. Концептуальные модели взаимодействия светской и религиозной культур / Г.А. Котельников, С.Д. Лебедев // Социологические исследования. – 2004. – №5. – С. 121–129. EDN OWVXQD
8. Лебедев С.Д. Две культуры: религия в российском светском образовании на рубеже XX–XXI веков: монография / С.Д. Лебедев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 250 с. EDN QVMURN
9. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия / С.Д. Лебедев // Социологический журнал. – 2007. – №2. – С. 24–35. EDN PCVZOH
10. Лопаткин Р. Конфессиональное пространство России: глазами социолога / Р. Лопаткин // Религия и право. – 2001. – №4. – С. 10–14.
11. Осипов Г.В. Православная церковь современной России в системе гражданского общества / Г.В. Осипов, Д.В. Аверьянова // Социум и власть. – 2019. – №3. – С. 15–29. DOI 10.22394/1996-0522-2019-3-15-29. EDN VUGDNJ

12. Религии народов современной России: словарь / редкол.: М.П. Мчедлов (отв. ред.), Ю.И. Аверьянов, В.Н. Басилов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2002. – 624 с.
13. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – Кн. 2. – М.: Пропилеи, 1995. – 464 с.
14. Степанова Е.А. Теории секуляризации в «Проекте модерна»: возможности и границы / Е.А. Степанова // Антиномии. – 2009. – №9. – С. 54–73. EDN MTWDUN
15. Таймасов Л. А. Некоторые особенности возрождения православия в Чувашии на рубеже XX–XXI вв. // Феномен глобализации и проблемы социокультурного многообразия в современном мире: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (2 марта 2017 г.) / под общ. ред. Е. М. Михайловой, Н. А. Подкиной. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2017. – С. 82–89. EDN ZNZVZP
16. Тимошук Е.А. Социокультурная феноменология Питера Бергера / Е.А. Тимошук // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2020. – №4. – С. 704–710. DOI 10.18413/2712-746X-2020-45-4-704-710. EDN FUJAPJ
17. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 // Информационно-правовой портал Гарант: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mjsqpkoczh350732422> (дата обращения: 21.12.2025).
18. Фурман Д.Е. Религиозная стабилизация: отношение к религии в современной России / Д.Е. Фурман, К. Каариайнен // Свободная мысль – XXI. – 2003. – №7. – С. 19–31.
19. Хрулева И.Ю. Религиозная полемика эпохи первого «Великого пробуждения» в британской Америке и создание колледжа Нью-Джерси (1746) /

И.Ю. Хрулева, О.А. Мохова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2019. – №4. – С. 18–35. EDN RUKZOK

Казимиров Максим Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Россия.
